УДК 82-3(575.2) (04) https://doi.org/10.33619/2414-2948/132/86

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОТРАЖЕНИЕ ОБРАЗОВ В РОМАНЕ Т. СЫДЫКБЕКОВА «СРЕДИ ГОР»

*©**Медетов А**., ORCID: 0009-0003-5766-5804, SPIN-код: 6976-8700,*
канд. филол. наук, Киргизский национальный университет имени Ж. Баласагына,
г. Бишкек, Кыргызстан, medetov1961@bk.ru

ARTISTIC REPRESENTATION OF CHARACTERS IN T. SYDYKBEKOV'S NOVEL "AMONG THE MOUNTAINS"

*©**Medetov A**., ORCID: 0009-0003-5766-5804, SPIN-code: 6976-8700, Ph.D., Kyrgyz National University named after Zh. Balasagyn, Bishkek, Kyrgyzstan, medetov1961@bk.ru*

Аннотация. На материале конкретных примеров из романа классического кыргызского писателя Тугельбая Сыдыкбекова «Среди гор» рассматривается концепция создания реалистических образов обычных сельских жителей Кыргызстана, типичных для периода формирования коллективных хозяйств времен советского прошлого. Среди них наиболее показательны образы Сапарбая, Самтыра, Соке, Иманбая, Саадат и Калпакбаева, которые отличаются определенной степенью реалистичности. К примеру, раскрывая образ Сапарбая, автор пытается показать как положительные, так и отрицательные черты характера. В произведении отражены глубокие социальные изменения, сложные взаимоотношения между людьми и острая классовая борьба. Уже в экспозиции романа наблюдается противоречие между такими героями, как Сапарбай, Самтыр, Соке, с одной стороны, и Саадат, Барпы, Кийизбай – с другой. Художественный конфликт зарождается в ситуациях повседневной жизни, далее усиливается и углубляется на фоне всестороннего раскрытия характеров персонажей, которые интерпретируются в статье с новых ракурсов.

Abstract. Based on specific examples from the novel *Among the Mountains* by the classical Kyrgyz writer Tugelbai Sydykbekov, this article examines the concept of creating realistic portrayals of ordinary rural residents of Kyrgyzstan typical of the period of collective farm formation during the Soviet era. Among the most representative are the portrayals of Saparbai, Samtyr, Soke, Imanbai, Saadat, and Kalpakbaev, which demonstrate a certain degree of realism. For example, in developing the character of Saparbai, the author seeks to reveal both positive and negative character traits. The novel reflects profound social changes, complex relationships between people, and an acute class struggle. From the exposition of the novel onward, a conflict can be observed between characters such as Saparbai, Samtyr, and Soke, on the one hand, and Saadat, Barpy, and Kiyizbai, on the other. The artistic conflict originates in situations of everyday life and subsequently intensifies and deepens through a comprehensive exploration of the characters, which are interpreted in the article from new perspectives.

Ключевые слова: время; власть; идея; история; коммунист; коллективизация; кыргызская литература; период; персонаж; политика; революция.

Keywords: time; power; idea; history; communist; collectivization; Kyrgyz literature; period; character; politics; revolution.

Тип лицензии CC: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Т. 12. №11 2026
https://doi.org/10.33619/2414-2948/132

С точки зрения современных парадигм научного мышления, роман Т. Сыдыкбекова «Среди гор» (1955–1958, переработанный вариант романа «Кен-Суу», названного по имени родного села писателя и написанного в 1937–1940 гг.) представляет собой поверхностное и одностороннее изображение трагической сути коллективизации, принесшей много страдания крестьянам. Несмотря на очевидную художественную несовершенность и выраженную тенденциозность, данное произведение в свое время привлекло активное внимание широкого круга литературных критиков и исследователей, поскольку было написано на актуальную тему и соответствовало политическому контексту того времени.

Роман получил высокую оценку как «первый реалистический» и «психологический роман» и был включен в учебники и издания по истории кыргызской литературы. В трудах исследователей, написанных после падения тоталитарного режима, роман Т. Сыдыкбекова «Среди гор» как один из первых романов кыргызской литературы рассматривался уже не по прежним меркам и постулатам партийной литературы, а на основе подлинных научных принципов. В своей работе, посвященной изучению зарождения, поэтики и типологии кыргызского романа, академик А. Эркебаев в начале 1990-х годов всесторонне проанализировал роман «Среди гор» (Кен-Суу), рассматривая его фундаментальные составляющие на уровне персонажей, сюжета, композиции и проч. В данном исследовании отмечается, что на всех позициях (портрет, ситуация, персонаж и т.д.) создание образа в романе не реализовано в полной мере и находится только в состоянии попытки создания образа и поверхностного его описания [1].

В своей работе по истории создания данного романа И. Жумабаев, отмечая многочисленные недостатки в создании образов и построении сюжета, пишет: «Романдын стилине мүнөздүү дагы бир белги — анын информативдүүлүгү, публицистикалуулугу. Көп жерде ал кадимки газеталык макаланын, корреспонденциянын стилине жакындап барат. Мындай үзүндүлөрдүн мазмуну да ошол мезгилде массалык кабардоо каражаттары аркылуу жүргүзүлгөн партиялык пропаганда менен үндөшүп кетет» – «Еще одной характерной чертой стиля романа можно отметить его информативность, публицистичность. Во многих местах он приближен к стилю обычной газетной статьи и корреспонденции. Содержание таких отрывков также перекликается с партийной пропагандой, проводившейся через средства массовой информации того времени» (перевод с кыргызского — А. Медетова) [2].

В романе описание героев происходит однобоко. Негативной характеристикой, как со стороны самого автора, так и со стороны других героев, наделяется персонаж по имени Саадат. Небольшой фрагмент из первых страниц романа предваряет суть данного героя, к примеру, следующий диалог между Соке и Иманбаем:

«— Ты же говорил, что Саадат — защитник народа. Разве он тебе не помог? — Соке сказал это громко, чтобы слышали все.

Иманбай замялся.

— Саадат не расслышал… — пробормотал он наконец.

— О, – засмеялся старик, — не услышал, говоришь? А если бы услышал, так, думаешь, он тебе отдал бы своего рыжего коня?» [3].

Саадат также внутренне недолюбливает их, наделяя саркастическими эпитетами. Такое отрицательное свойство персонажа автором подкрепляется еще и в его действиях, к примеру, в следующем отрывке отмечена человеческая убогость Саадата, воспротивившегося тому, что не он заходит первым в юрту: «Как только перед Бердибаем разостлали дастархан, снаружи раздался конский топот, донеслись голоса джигитов, слезающих с лошадей. Кони шумно дышали, грызли удила. Открылась дверь, и показалась голова Курмана. Саадат ткнул его сзади сложенной вдвое плеткой:

Тип лицензии CC: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Т. 12. №11 2026
https://doi.org/10.33619/2414-2948/132

— Как ты смеешь раньше меня входить в юрту? Ты должен оказывать почтение болушу, кривоносый невежда!

Курман, не обращая внимания на его слова, вошел первым и поздоровался с Бердибаем, который сидел на почетном месте, поджав ноги:

—Ассалам-алейкум, Беке! Да принесет вам праздник радость!

Бердибай, продолжая сидеть, ответил:

— Алейкум-салам. Пусть и вам праздник принесет счастье! Заходите, садитесь!

Саадат, Курман и Осмон сели» [3].

В произведении персонажи разделены на две полярные противоположности. Рисуя сельскую жизнь на фоне важнейших историко-политических событий, писатель создает с одной стороны образы «сильных и крепких» феодалов, которые ухитрились провести в сельский совет своего человека, и с другой — описывает наивных и безграмотных бедняков и батраков. Необходимо еще раз подчеркнуть, что роман «Кен-Суу» ознаменован в творчестве писателя первой попыткой создания романной формы, однако для него характерны серьезные слабости идейно-художественного плана. В этом контексте можно отметить присутствие в романе элементов натурализма, схематизма, описательности, иллюстративности.

Однако при всем своем несовершенстве роман «Кен-Суу» подтверждает приверженность писателя принципам реализма, его стремление к раскрытию характеров обыкновенных людей в их ежедневной и сложной борьбе за новое в сельской жизни. В романе «Среди гор» так же, как и в «Кен-Суу», повествуется о первых годах коллективизации, действуют те же герои. Ставленник баев Саадат управляет и в аилсовете, и в комсомоле, пользуется доверием своих односельчан, однако по сути своей он, как потомок феодала, расчетлив и хитер, ведет двойную игру. Активисты села Сапарбай, батрак Самтыр, ему полностью доверяют. Саадат руководит джигитами как ему вздумается, своевольно заставляя собирать дополнительные налоги для нужд на свою свадьбу. Такая сомнительная политика Саадата имела в первое время успех по причине отсталости сознания сельских жителей, которые по привычке подчинялись баям. Автор рисует Саадата достаточно лукавым, чтобы казаться людям благовидным. К примеру, на первый взгляд он выручает девушку Айну, засватанную за старика:

«— Простите его, аксакал, на этот раз. Успокойтесь! — притворно просил Саадат. А хитрые глаза его радостно блестели. «Месяц мой показался с правой стороны, враги мои выпускают из рук знамя. Я добьюсь своего!» — думал он.

«— Человек, за которого выдают меня, стар, в отцы мне годится. Родные, польстившись на его добро, сосватали нас, не спрашивая, хочу я этого или нет. Мое будущее покрыто туманом. Мою жизнь, подобную только что распустившемуся цветку, хотят отдать человеку, похожему на колючку, корни которой уже засыхают и листья пожелтели. Я не вынесу этого. Если никто не поможет, умру». Так Айна жаловалась на свою судьбу. И точно веточку ивы, упавшую в реку, искала она спасение. Как раз в это время Саадат тайком послал к ней своего человека. Айна, не раздумывая, ответила: «Я была птенцом жаворонка. Над моей головой раскрылись тупые когти старого коршуна. Я рвусь к свободе, трепеща крыльями, но мне не дают вылететь на волю и сесть на милое сердцу дерево. Если найдется молодой сокол, который сумеет вырвать птичку из когтей старого хищника, я готова!» Эти слова Айны, переданные Саадату Курманом, вселили в него храбрость» [3].

Как видим, поступок Саадата продиктован его личными чувствами и стремлением жениться на девушке. Автор особенно подчеркивает это и стремится разоблачить истинные намерения Саадата: «Под этим “приговором” Саадат заставил подписаться всех комсомольцев, которые были под его влиянием. Собранный “налог” он положил в карман. Захватив двух своих кобыл, которых собирался продать, Саадат вместе с Курманом ночью выехал в округ. Хотя

Тип лицензии CC: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Т. 12. №11 2026
https://doi.org/10.33619/2414-2948/132

народ не знал наверняка о мошенничестве Саадата, кое-кто подозревал, что здесь не все чисто: “Как бы этот парень не прикарманил наши денежки”. По аилам поползли слухи, что Саадат под видом уплаты налога поехал обделывать свои делишки, что он хочет жаловаться на Батырбека и через суд отнять свою жену». Далее автор пишет: «Многим не понравилось, что Саадат женился с таким скандалом. Приверженцы старины ругали Айну» [3].

Исследователи подчеркивали усеченное изображение личной жизни персонажей в романе. А. Эркебаев и И. Жумабаев в контексте повествования личной жизни героев рассматривают эпизоды, связанные с Айной. Автору свойственно «линейное» (по В. Кожинову) описание данной сцены, углубляя его в ракурсе неблагоприятного поступка Саадата. Он празднует свадьбу: «На свадьбу пришло много нарядных девушек и молодух. Статные джигиты не отрывали от них глаз. Гостям подносили полные тарелки дымящегося мяса. Борьба силачей, оодарыш, скачки продолжались до темноты. В этот день родственники и друзья привезли Саадату свои подарки. А Омур только повторил:

— Пусть дают богатые, а мы и так досыта не едим.

Оскенбай, Соке, Омур и другие бедняки — всего сорок семейств — не дали ничего.

Шоорук и Бердибай были вне себя от ярости, на бедняков сыпались проклятия. Саадат затаил злобу на Омура, решив, что во всем виноват он» [3].

Следом за напряженными отношениями между Омуром и Саадатом Саадат проигрывает выборы, Сапарбай, безусловно, тоже вносит в это свой вклад. Автор представляет действия, поступки и решения персонажей не как последовательно развивающийся, психологически мотивированный, убедительный ход, а как случайный или механический порядок развития действия. С самого начала романа от эпизода к эпизоду, от события к событию автор рисует Саадата в неприглядных тонах поступков и действий, описывая его односторонне. Однако при этом положительно значимых персонажей ожидаемо восхваляет, наделяя их схематически благовидными чертами характера. В этом контексте справедливо мнение А. Эркебаева о том, что сочувственное и умиленное отношение автора направлено к явно положительным персонажам, и оно выражено выпукло тенденциозно» [1].

В романе один из довольно пассивных персонажей Сапарбай критически анализирует свое прошлое и свои поступки, при этом читателю не показано, каким образом он познал самого себя и осознал свои ошибки, какие психологические трудности он преодолел и как удалось ему вырваться из психологии рабства. По механическому велению автора он вдруг осознает это и обращается к Осмону:

«— Сейчас я думаю о том, что мы делали до сих пор, чем все это время занимались. Мы дали себя обмануть Саадату. Говорят, ученый человек видит в тысячу раз дальше неученого. У нас с тобой всего четырехклассное образование. Мулла своим учением не помог нам, а только запутал.

— Как это так? Разве после его уроков мы не стали полумуллами?

— Вот я и злюсь на это «полу». Правда, года три назад мы были самыми грамотными людьми в аиле. Но сегодня мне стало ясно, что мы ничего не знаем. Я не понял бы этого до сих пор и не знаю, понял бы когда-нибудь, если бы у нас не открылась Красная юрта и мы не получали бы газеты и книги. А Саадат? Ты думаешь, что он за человек? Поступает по байской указке. Я давно подозревал это, газеты открыли мне глаза… А мы-то считали его самым хорошим человеком и во всем слушались.

“Верно, — лениво думал Осмон. — Почему мы должны делать все, как велит Саадат, следовать за ним, как его тени? Правда, он окончил курсы в Алма-Ате, но не очень-то далеко ушел от нас”.

Тип лицензии CC: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Т. 12. №11 2026
https://doi.org/10.33619/2414-2948/132

— Подумай, Осоке! — продолжал Сапарбай. — Все ли из того, что мы с тобой делали до сих пор, мы делали законно? Нет, не все. Мы поддерживали аксакалов и аткаминеров, иногда сами были зачинщиками родовых распрей, часто нарушали устав комсомола. Вспомни, как мы на горе Орток вчетвером сочиняли протоколы, принимали решения и выдавали их за документы, одобренные общим собранием. Я не могу себе простить избиение ни в чем не повинного Джакыпа. Кто, как не мы, поддерживали антинародный клич батырбековского рода?

— Нам приказывал сам Саадат, — возразил недоумевающий Осмон, — а он председатель аилсовета, глава советской власти в аиле, коммунист.

— В том-то и вся беда. Поводья в руках Саадата. Мы ему верили, а он тянул, куда ему выгодно. Что ни говори, а Саадат — внук крупнейшего богача нашей долины» [3].

Так автор показывает созревание сознания Сапарбая и изменение его взглядов не эволюционным, а скорее схематическим образом, и он начинает тайно бороться против Саадата. Первая книга заканчивается победой Сапарбая.

Во второй книге Сапарбаю все же не удается закрепить свою идейную победу и стать основной политической фигурой романа. Если первая книга была связана с описанием событий, связанных с личной жизнью Саадата (женитьба), его деятельностью в качестве председателя сельского совета, то вторая книга описывает движение процесса коллективизации: конфискации скота, вербовки кулаков и сбора семян. Интенсификация классовой борьбы описывается поверхностно, без погружения во внутренние сложности. В начале романа Карымшак, Барпы Молдо, Бежирмен рассказывают различные легенды о колхозном строительстве. Растет оживленность уличных разговоров, слухов и приватной информации о колхозе и коллективизации. Обвиненный в оппортунизме Сапарбай отходит на второй план, на первый же выдвигается проявивший себя во время работы колхоза увертливый Шарше. Формируется небольшой отряд, состоящий из комсомольцев Осмона, Абдыша, Курмана, Сайры и др. Председатель группы бедняков Шарше запоминается своей чрезмерной жестокостью в колхозе. Исследователи сравнивают Шарше с М. Нагульновым из романа М. Шолохова «Поднятая целина». Однако М. Нагульнов вырос сиротой, участвовал в гражданской войне, был вдохновлен идеями мировой революции, и личная жизнь его сложилась не самым лучшим образом, у него были свои убеждения и взгляды. Образ М. Нагульнова глубоко раскрыт изнутри, поэтому его чрезмерная жестокость является следствием определенных жизненных потрясений.

В романе автор представляет Шарше так: «За короткий зимний день активисты аила провели два собрания. До обеда состоялся расширенный пленум аильного исполкома, там проверяли и уточняли списки дворов, скота и инвентаря. Разгорелся спор — кого можно сразу вносить в списки колхозников (конечно, добровольно, с согласия каждого хозяина), с чьим приемом надо пока повременить, а кого в числе первых раскулачивать и лишать прав. В отношении бедняков и батраков, которых в первую очередь принимали в колхоз, разногласий не было. Когда же дело коснулось более или менее зажиточных людей, правда, далеко не богатых, но зато имеющих влияние в народе: всяких аткаминеров, приближенных баев или таких, как мулла Барпы, то многие активисты, и прежде всего Шарше, подняли крик, спорили до того, что багровели шеи» [4].

Помимо ситуативно бурных споров Шарше никакой другой информации в плане активного созидательного действия о нем не приводится. Однако Шарше наделяется четкой характеристикой своей позиции в отношении новой власти, при которой ему должно отводиться особое место: «Сапарбай не злопамятный парень. Случалось, что и он может обидеться, но ненадолго. Когда огонь гаснет, то кипящая вода постепенно успокаивается и начинает медленно остывать, так и Сапарбай — после всех споров он обязательно одумается

Тип лицензии CC: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Т. 12. №11 2026
https://doi.org/10.33619/2414-2948/132

и поступит так, как это будет разумно. А вот у Шарше характер не такой — он самолюбивый, упрямый. Где бы он ни был, пусть это будет в конторе, или дома, или на улице, но если он ухватится за какую-нибудь мысль, то уже никогда ни в чем не уступит другим: “Они, видать, не знают, что я бедняк… Они, наверное, не считают нас за людей… Думают — я один, думают, что расправиться со мной так просто… Нет, хоть родни у меня не много, зато я сам силен. Пусть не забывают, что советская власть — это бедняцкая власть! А ну, кто осмелится задеть меня, кто осмелится исподтишка растоптать меня сапогом? Пусть выходит в открытую!”» [4].

Эти слова воспринимаются как «программа» Шарше. Он не тот человек, который подобно Нагульнову вдохновлен идеей; его агрессия и нападки на людей характеризуют его как заурядно грубого и злого человека. Несмотря на то, что образы в романе представлены односторонне и поверхностно, в частности в первом варианте романа молодой автор проявляет попытку реалистического и правдивого изображения событий тех лет. Отражение исторических событий произошло без глубинной причинно-следственной связи с системой образов и идеей романа, без использования возможностей композиционного метода, способствующих единству содержания и формы художественного образа.

Представленный автором в романе данный пласт информации предвещает грядущую советскую бюрократию, которая потом, подобно сорняку, будет распространяться повсеместно. Командно-административная власть в тоталитарной системе устанавливалась силой подобных чиновников. Югославский политический лидер Милован Джилас, полвека назад резко критиковавший коммунистический режим, говорит об этом так: «Сталин же не заглядывал далеко ни в будущее, ни в прошлое. Он оседлал стихию новой нарождающейся силы – нового класса, политбюрократии и бюрократизма и стал ее вождем, ее организатором… С осознанием, что власть, то есть распоряжение национальной собственностью, несет с собой все блага мира сего, неизбежно расцветают грубый карьеризм, двуличие, подхалимаж, завистничество. Карьеризм и расплодившаяся бюрократия — неизлечимые болезни коммунизма, в коммунизме способность “идти по трупам” — одна из определяющих черт образа жизни, коренная предпосылка служебного роста» [5].

Автор романа на основе присущего ему фактологического повествования, безотносительно идейно-образной нагрузки произведения, приводит ряд случаев, изображающих характерные черты того периода, к примеру: «Черно-пестрой тучей кишел вокруг аилсовета согнанный скот. Десятки и десятки отар, сотни коров и лошадей толклись в одном месте. Не было такого двора, куда мог бы вместиться весь этот разнородный скот, день и ночь он находился под открытым небом. Уши глохли и сердце обливалось кровью от жалобного, отчаянного блеяния ягнят, мычания телят и рева коров. И еще больше вскипал гнев людей при виде распоясавшихся молодчиков, десятки раз на день менявших под седлами лучших коней и кобылиц. Но и это еще полбеды: худо было то, что некоторые “активисты” стали растаскивать на забой жирных овец, а иной раз и кобыл» [4].

М. Джилас приводит свои данные об этом процессе: «С тем же связано и расширение партийных рядов, партбюрократии в том числе. В 1927 году, накануне индустриализации, в советской коммунистической партии состояло 887 тысяч 233 человека, а в 1934, то есть после первой пятилетки, — уже 1 миллион 847 тысяч 488 человек. Явление новое, откровенно сопряженное с индустриализацией: шансы нового класса росли, росли привилегии тех, кто к нему принадлежал. Более того, привилегии и сам класс разбухали интенсивнее, чем продвигалась индустриализация» [5].

Представленная в романе информация подтверждает данные факты, однако такой жизненный материал, требующий глубокого внутреннего исследования, не подвергается детальному анализу и художественному обобщению, не преобразовывается в убедительные

Тип лицензии CC: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Т. 12. №11 2026
https://doi.org/10.33619/2414-2948/132

образы посредством деталей и символов. Безусловно, начало творческого пути объективно не могло предполагать исчерпывающего освоения и художественно полного отражения жизненного материала.

Роман «Темир», написанный в 1939-40 годах, представляет собой значительный шаг вперед в освоении особенностей жанра, построении сюжета и создании персонажей. Произведение отражает заключительный этап коллективизации на территории горного юга.

Критические суждения о романе «Кен-Суу», а также общее развитие кыргызской прозы в целом в 1930-е годы и возросший творческий опыт автора способствовали более высокому уровню художественности романа «Темир». Если в романе «Кен-Суу» в большей степени повествовалось о поступках богатых и знати, то в «Темире» автор стремился создать идеализированный образ сторонника нового строя, человека из бедных слоёв кыргызского общества. Это отвечало требованиям социалистического реализма, принципами которого руководствовались писатели того времени. Темир создан автором как образец идеального персонажа, что отчасти было требованием той эпохи.

В народе ходят легенды о подвигах Темира, его имя известно повсюду. Автор наделяет его свойствами исключительного характера, используя при этом элементы фольклорных описаний и сравнений. Темир не ошибается, прямолинеен, речь у него правильная, он ничего не боится, один выходит против пятнадцати басмачей. Ему не ведомо поражение, люди узнают его издалека, он красив, в нем нет ни единого изъяна. Таким образом, посредством гиперболизации создается образ человека новой эпохи.

В 1934–35 годах Т. Сыдыкбеков ещё не освоил принципы социалистического реализма, начавшегося активно применяться в литературном творчестве. До появления романа «Темир» он публиковал отдельные рассказы и эссе, которые определенным образом способствовали творческой эволюции писателя. В отличие от романа «Кен-Суу» в романе «Темир» отсутствуют материалы на уровне газетной информации, и, главным образом, очевидным является то, что в первом романе несмотря на выраженную симпатию автора к образам бедняков таких, как Сапарбай, Самтыр, Соке, Иманбай больше творческого внимания уделяется поступкам их антиподов, Саадата, Шорука, Карымшака, муллы Барпы. В романе же «Темир» автор стремился в соответствии с принципами социалистического реализма создать образ положительного героя, готового отдать жизнь за дело партии и за новое правительство.

Список литературы:

1. Эркебаев А. Киргизский роман: (Истоки, пути становления, поэтика и типология) [Микроформа]: дис. …д-ра филол. наук: Бишкек, 1991. 414 с.
2. Жумабаев И. Роман Т. Сыдыкбекова «Среди гор». Бишкек, 1998.
3. Сыдыкбеков Т. Среди гор. Книга первая. М.: Известия, 1965.
4. Сыдыкбеков Т. Среди гор. Книга вторая. М.: Известия, 1965.
5. Джилас М. Лицо тоталитаризма. М.: Прогресс, 1990.

References:

1. Erkebaev, A. (1991). Kirgizskii roman: (Istoki, puti stanovleniya, poetika i tipologiya) [Mikroforma]: dis. …d-ra filol. nauk: Bishkek. (in Russian).
2. Zhumabaev, I. (1998). Roman T. Sydykbekova “Sredi gor”. Bishkek. (in Russian).
3. Sydykbekov, T. (1965). Sredi gor. Kniga pervaya. Moscow. (in Russian).
4. Sydykbekov, T. (1965). Sredi gor. Kniga vtoraya. Moscow. (in Russian).

Тип лицензии CC: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

5. Dzhilas, M. (1990). Litso totalitarizma. Moscow. (in Russian).

Поступила в редакцию
30.09.2026 г.

Принята к публикации
16.10.2026 г.

Ссылка для цитирования:

Медетов А. Художественное отражение образов в романе Т. Сыдыкбекова «Среди гор» // Бюллетень науки и практики. 2026. Т. 12. №11. С. 735-742. https://doi.org/10.33619/2414-2948/132/86

Cite as (APA):

Medetov, A. (2026). Artistic Representation of Characters in T. Sydykbekov's Novel "Among the Mountains". *Bulletin of Science and Practice, 12*(11), 735-742. (in Russian). https://doi.org/10.33619/2414-2948/132/86

Тип лицензии CC: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)